

Цзян Суйчжоу и вправду был напуган видом серебряных игл.

До того как попасть в этот мир, он отличался отменным здоровьем, даже капельницы ставил редко, не говоря уже об иглоукалывании. Раны Хо Уцзю и без того не зажили, а теперь, утыканные иглами, они выглядели еще более пугающе. Стоило принцу бросить взгляд, как глаза его будто обожгло, и он поспешно отвернулся.

«Как же это, должно быть, больно?» Он невольно примерил это на себя: хоть он лишь смотрел, ощущение было такое, будто иглы вонзаются в его собственное тело.

Мэн Цяньшань помог ему сесть на кушетку сбоку и налил чашку горячего чая. Но Цзян Суйчжоу даже не взглянул на него — его внимание было приковано к Ли Чаннину у кровати.

Лекарь выждал некоторое время, пока песок в песочных часах на аптекарском ящике не иссяк, после чего подошел и ловкими, быстрыми движениями извлек иглы из ног Хо Уцзю.

Когда он протер все инструменты и убрал их, Цзян Суйчжоу спросил:

— На сегодня всё?

Ли Чаннин кивнул:

— Осталось лишь подать господину лекарство, и дело сделано.

— Хм. Что за лекарство? — поинтересовался Цзян Суйчжоу.

— Укрепляющее, — с улыбкой ответил лекарь. — Господин в последнее время мало двигается, я боялся, что он плохо перенесет акупунктуру, поэтому необходимо подпитывать его жизненную энергию.

Цзян Суйчжоу кивнул и не стал расспрашивать дальше.

Ли Чаннин обернулся к ученику, веля подать чашу, но тот, погруженный в свои мысли, не ответил даже со второго раза. Лекарь пришлось самому забрать отвар и поднести его Хо Уцзю. Тот приподнялся на постели и принял чашу.

Цзян Суйчжоу не удержался и бросил на него еще пару взглядов. Всё как в его спальне: не поднимает глаз, относится к нему с полным безразличием, словно принца вовсе нет в комнате. И Цзян Суйчжоу внезапно почувствовал от этого облегчение и даже какую-то теплоту — словно та деталь пазла, которой не хватало с утра, наконец встала на место. Уголки его губ непроизвольно приподнялись, чего он сам даже не заметил.

Увидев, что Хо Уцзю выпил всё до капли, Ли Чаннин что-то прикинул в уме и опустил на колени перед Цзян Суйчжоу.

— Ваше Высочество, лечение господина на сегодня завершено, — произнес он. — Если у Вашего Высочества не будет поручений, ваш слуга откланяется.

Ли Чаннин прекрасно знал: это лекарство действует очень быстро. Максимум через четверть часа оно начнет свою работу. И эффект будет заключаться не только в восстановлении меридианов, но и в жуткой боли в мышцах и костях. За свою практику он лечил нескольких пациентов с похожими травмами, и при начале действия лекарства все они корчились от невыносимой муки. Те пациенты получали лишь половину дозы, но и они скрежетали зубами и

метались в агонии, пока не теряли сознание.

Разумеется, принцу Цзину не стоило этого видеть, чтобы не возникло лишних подозрений. Ведь он сказал принцу, что лишь облегчает страдания Хо Уцзю. Если Цзян Суйчжоу увидит, что от лечения пациенту становится только хуже, оправдаться будет трудно. Поэтому принца нужно было поскорее спровадить.

Ли Чаннин уже планировал: как только принц велит ему идти, он прикинется, что вспомнил что-то важное, и пригласит Его Высочество обратно в покои, чтобы проверить пульс и подправить его собственный рецепт. Принц всё равно не слишком заботится о ранах генерала, так что лишних вопросов возникнуть не должно...

Однако Цзян Суйчжоу вдруг вальяжно облокотился на подушки кушетки.

— М-м, — протянул он. — И как продвигается сегодняшнее лечение?

Ли Чаннин опешил. Почему этот принц вечно играет не по правилам?!

Он осторожно поднял глаза на Цзян Суйчжоу и увидел, что тот сидит в расслабленной и вальяжной позе, выглядя абсолютно спокойным, но взгляд его казался непостижимым. Лекарь не понимал: спрашивает ли он из искреннего интереса или проверяет его на вшивость.

Ли Чаннин, не подозревая, что Цзян Суйчжоу просто хочет подольше побыть здесь, не смел расслабляться.

Тщательно подбирая слова, он быстро и лаконично отчитался перед принцем. Его речь была выверена до мелочей — даже если принц что-то подозревал, зацепиться ему было не за что. Закончив доклад, Ли Чаннин опустил голову, втайне отсчитывая секунды и молясь, чтобы принц поскорее ушел.

И вот принц на кушетке поднял руку. Ли Чаннин напрягся всем телом, готовый сорваться с места, как только тот сделает отпускаящий жест...

Но Цзян Суйчжоу взял со столика чашку чая и отхлебнул. И начал задавать новые вопросы. От того, когда наступит заметный эффект, до того, есть ли побочные действия у иглоукалывания и даже в какие именно точки вонзались иглы.

«Всё пропало», — подумал Ли Чаннин.

Дрожа от страха, он отвечал на вопросы, лихорадочно ведя внутренний отсчет. Время, за которое должна была прогореть палочка благовоний, неумолимо истекало. Вот-вот начнется.

Сердце Ли Чаннина ушло в пятки.

Однако время шло, горела палочка благовоний, а на кровати по-прежнему не было никакого движения. Секунды складывались в минуты, но в комнате, кроме их негромкого диалога, не доносилось ни звука.

Постепенно Ли Чаннин успокоился. «И впрямь, этого генерала Хо нельзя мерить мерками обычных людей», — подумал он. Раз уж тот обладает такой сверхчеловеческой выдержкой, то и лекарю нет нужды изворачиваться и что-то скрывать. Ли Чаннин расслабился и стал отвечать на вопросы Цзян Суйчжоу более уверенно и красноречиво.

Он и не заметил, что сидевший на кушетке принц был рассеян. Взор Цзян Суйчжоу то и дело косился в сторону кровати. Хо Уцзю и раньше не жаловал его беседами, но никогда еще не игнорировал так тотально: лежал там, словно принца и вовсе не существовало. С того самого дня, как Цзян Суйчжоу раскрыл карты, отношение генерала стало именно таким. Принц гадал: может, он где-то сболтнул лишнего?

«Может... найти повод и проявить хоть немного участия?»

Цзян Суйчжоу невпопад отвечал Ли Чаннину, а мысли его невольно крутились вокруг неподвижной фигуры на постели. Спустя мгновение он принял решение. Раз уж пришел, к чему теперь жеманиться?

Он поднял руку, прерывая затянувшийся монолог лекаря. Ли Чаннин как раз увлеченно расписывал, какие именно меридианы прочищает его метод и какого эффекта ждать. Опешив от того, что его оборвали на полуслове, старик поднял глаза. Принц Цзин встал и подошел к самому краю кровати.

— А ты? Чувствуешь ли ты себя хоть немного лучше? — услышал он вопрос принца.

Ли Чаннину показалось (или это не было галлюцинацией?), что когда Его Высочество обращался к генералу Хо, его голос звучал на несколько тонов мягче, чем секунду назад.

Послышалось глухое «угу» со стороны кровати. Голос генерала был слегка охрипшим, но звучал ровно.

«Ну всё, теперь принц точно не догадается, какую боль сейчас терпит генерал», — подумал лекарь.

Цзян Суйчжоу удовлетворенно кивнул. Ли Чаннин выдохнул с облегчением. Но в этот самый момент он увидел, как спина принца замерла.

А затем раздался голос Цзян Суйчжоу — ледяной, словно из проруби:

— Почему он такой бледный?

Только подойдя вплотную, Цзян Суйчжоу увидел, что губы Хо Уцзю пугающе побелели, а лоб покрылся мелкой испариной. Генерал лежал с закрытыми глазами и, лишь почувствовав близость принца, с трудом заставил себя веки приоткрыть. Лицо его по-прежнему не выражало ничего, но Цзян Суйчжоу с первого взгляда понял: он держится из последних сил.

Сердце принца пропустил удар. Он в ужасе схватил Ли Чаннина и притащил к кровати.

Старик, дрожа всем телом, прощупал пульс Хо Уцзю и пролепетал:

— Ваше Высочество... после иглоукалывания возможна небольшая болезненность. Это совершенно нормальное явление.

Цзян Суйчжоу не поверил ни единому слову.

— Нормальное? — прошипел он. — Тогда почему ты не доложил об этом раньше?

Более того, он был уверен, что это далеко не «небольшая болезненность». Если такой кремень,

как Хо Уцзю, покрылся холодным потом от боли, значит, страдание это было за гранью человеческого понимания.

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед, схватил Ли Чаннина за шиворот и, стиснув зубы, процедил:

— Если с ним что-то случится по твоей вине, я лично лишу тебя жизни.

Принц Цзин был слаб здоровьем, и хватка его была не слишком крепкой. Но встретившись с этим пугающе холодным взглядом, Ли Чаннин невольно затрясся мелкой дрожью.

«Разве принц не должен ненавидеть генерала всей душой? Почему же он сейчас выглядит так, будто действительно готов убить любого ради него...»

— Ваше Высочество, смените гнев на милость! — запричитал он. — В начале процедур по очищению каналов боль неизбежна, но спустя время она значительно утихнет...

— Спустя какое время? — оборвал его Цзян Суйчжоу.

— Примерно через месяц...

Цзян Суйчжоу отшвырнул его от себя и горько усмехнулся:

— Мучить человека целый месяц? Твое лечение должно было облегчать боль, а не усиливать ее. И ты смеешь кормить меня этой ложью?

Ли Чаннин дрожал, не в силах вымолвить ни слова, лихорадочно соображая, как выкрутиться.

В этот момент с кровати раздался хриплый голос:

— Всё в порядке.

Это был Хо Уцзю.

Цзян Суйчжоу поднял глаза и увидел, как генерал, преодолевая слабость, приподнялся на локтях.

— Так и должно быть при лечении. Не стоит винить его, — произнес Хо Уцзю.

Ли Чаннин подумал: «Всё, мне конец».

Он и так боялся подозрений принца, а тут еще и генерал начал за него заступаться — это же только подлило масла в огонь... Ноги лекаря подкосились. Он не смел поднять глаз, ожидая вспышки ярости. Вместо этого он услышал медленный, глубокий вдох.

— Проваливай, — бросил принц. — Если через месяц результат не совпадет с твоими обещаниями, я прикажу отрубить тебе голову.

Ли Чаннин припал к полу, не веря своим ушам.

И это... и это всё? Его просто отпустили?

Ли Чаннин и Вэй Кай поспешно ретировались. В комнате воцарилась тишина. Цзян Суйчжоу стоял у кровати, и они с Хо Уцзю смотрели друг на друга.

Хо Уцзю изучал его взглядом. Только что принц Цзин казался воплощением ярости, но сейчас от той ледяной свирепости не осталось и следа. Он стоял перед кроватью в контровом свете, и хотя лицо его всё еще хранило маску холодности, в глазах читалась явная растерянность. Его взор то и дело испуганно соскальзывал на ноги генерала.

Странно, но раздражение, копившееся в сердце Хо Уцзю последние дни, вдруг начало рассеиваться, сменяясь какой-то обреченной покорностью.

«...И как тут не ошибиться? — подумал он. — Этот принц, кажется, совсем не видит разницы между тем, как вести себя с союзником и как — с объектом любви. Казалось бы, нас связывает лишь холодный расчет, но он так искренне переживает, что злиться на него кажется верхом несправедливости, почти издевательством над слабым».

Помолчав, Хо Уцзю негромко спросил:

— Что-то еще?

Цзян Суйчжоу словно очнулся.

— М-м... — выдавил он. — Я просто... хотел убедиться, что с тобой всё в порядке.

— Всё в порядке, — отрезал Хо Уцзю.

Принц шевельнулся, собираясь уйти, но ноги словно приросли к полу. Помедлив, он опустил глаза и посмотрел на Хо Уцзю с привычным высокомерием, холодно бросив:

— Раз ты говоришь, что всё в порядке, значит, так и есть? В тот дождливый день ты тоже твердил, что всё нормально, и к чему это привело?

Сказав это, он, не дожидаясь ответа, покосился на Мэн Цяньшаня. Евнух мигом сообразил и притащил стул к самой кровати. Цзян Суйчжоу вальяжно опустился на него с таким видом, будто его решение не подлежит обсуждению.

— Я присмотрю за тобой, — объявил он.

Хо Уцзю взглянул на него.

— Как хочешь, — бросил он равнодушно.

Принц больше не произнес ни слова. Он взял книгу, поданную Мэн Цяньшанем, и принялся за чтение, сидя прямо у постели генерала.

Хо Уцзю на мгновение задержал на нем взгляд, а затем отвернулся.

«Удивительный человек, — подумал он. — Порой такой несносный и раздражающий, но в нем откуда-то берется эта капля сладости. Думаешь о нем — злишься, но стоит увидеть его — и губы сами растягиваются в улыбке. Необъяснимо».